

А. И. Розов

Взгляд со стороны

Источник: Сергей Леонидович Рубинштейн: очерки, воспоминания, материалы.
М.: Наука, 1989. С. 322–330.

Я не являюсь учеником Сергея Леонидовича Рубинштейна, не был его сотрудником и не причисляю себя к его последователям. Да и наше личное общение ограничилось несколькими непродолжительными беседами, телефонными разговорами и обменом поздравительными открытками к Новому (последнему для Сергея Леонидовича) году. И все же мне представляется, что для воссоздания научного и человеческого облика выдающегося советского ученого могут оказаться поучительными приводимые мною факты, свидетельствующие, какое огромное воздействие он оказывал на исследователей, находившихся за пределами его школы, а также его доброжелательное отношение к начинающему коллеге, выбравшему собственный путь.

Автор этих заметок расскажет об индивидуальных впечатлениях, но вполне объективных — в смысле их достоверности, которые — смею полагать — отражают более обширную реальность: ведь для нескольких поколений классические труды Рубинштейна составляли исходные *основы*, тот фундамент общей для нас базовой площадки, взобравшись на которую, мы — каждый по-своему — двинулись в разные области большой *психологии*.

Имя Рубинштейна я впервые услышал, будучи школьником, в годы войны. Мы с отцом находились в эвакуации в глубинной чувашской деревне. Отец, просматривая газету, с удивлением отметил, что в списке лауреатов высшей премии числился и психолог. Мне было непонятно, чем вызвано такое удивление: награждением за книгу по психологии или фактом наличия солидных психологических трудов, достойных такой высокой награды? Слово «психология» в житейском употреблении мне уже было знакомо, как, скажем, и слово «философия», но с ними связывалось представление о чем-то очень отвлеченном от реальности. С тех пор слово «психология» наполнилось для меня особым, серьезным смыслом, отражающим важное в государственном масштабе дело. Правда, о психологии как о своей профессии я тогда и не помышлял.

Отчетливо помню: в 1946 г. на первой лекции по психологии [322] нам, студентам первого курса факультета журналистики Белорусского университета (Минск), рекомендовали литературу и очень расхваливали обычный вузовский учебник, а про «Основы общей психологии» Рубинштейна было сказано, что главным их недостатком является очень усложненный язык. Такая оценка из уст чрезвычайно добросовестного доцента, которому (так мне тогда показалось, а впоследствии я удостоверился в этом) были чужды малейшие проблески самостоятельного мышления, только усилила мое желание проработать эту книгу, благо в нашей библиотеке — после такой аттестации — она не пользовалась повышенным спросом.

Чтение «Основ общей психологии» стало для меня — в тот голодный 1946 г. — своеобразным умственным пиршеством и вдохновляющим откровением. Она широко раздвигала горизонты знания и вселяла ощущение его огромной глубины. От нее веяло отважной мудростью, а рядом с ней содержание рекомен-

дованных пособий и составляемых на лекциях конспектов представлялось серым, бледным и плоским. Я начинал понимать, насколько сложным и многоаспектным является наш внутренний мир, причем, постигая — в меру моей подготовки — сложность предмета психологии, я ничуть не замечал сложности языка автора. Более того, я вообще не замечал формы выражения, за которой свободно улавливались большие идеи, в свою очередь порождавшие новые мысли у читателя (как и все люди, отлично знающие иностранные языки, Рубинштейн никогда не «кокетничал» замысловатыми словечками, избегал дешевых каламбуров). Очень импонировала и такая особенность книги: общепринятый в те годы «конвенционализм» (трафаретные приемы построения, стандартизованные формулировки кисло-сладкие эпитеты-штампы, бесконечное цитирование, навязчивые повторения прописных истин и т. д.) был сведен к допустимому минимуму. И, разумеется, поражала обширнейшая эрудиция автора, проработавшего огромную массу монографий и статей на многих языках (в те годы мне такое представлялось прямо-таки неправдоподобным) и творчески переработавшего их. Словом, труд Рубинштейна резко контрастировал со всеми доступными тогда нам психологическими произведениями, и выражение «готовиться по Рубинштейну» в бытность мою студентом было особой аттестацией интеллектуального уровня.

Хочу оговориться: излагаемое мнение об «Основах общей психологии», которое выкристаллизовалось при первом обращении к ним, могло затем подвергнуться некоторой корректировке: ведь к этому труду и много лет спустя возвращаешься — не только в поисках материала для лекции и доклада или для заимствования цитаты из классики, но и чисто «бескорыстно» — просто чтобы вступить в общение с подлинной мудростью. И, невольно сравнивая классическое творение с тем, что создается в новейшее время, опять и опять убеждаешься, насколько первое до сих пор превосхо[323]дит многие новоявленные «шедевры», авторы которых заведомо ставят перед собой узкоспециальные задачи и даже не делают попыток взглянуть на проблему с точки зрения единой психологической теории или хотя бы с более общих позиций.

Весьма примечательно следующее. Ряд мест в «Основах общей психологии» дает повод усматривать в них определенное, если и не нигилистическое, то скептическое отношение к концепциям и просто экспериментальным данным зарубежных психологов — вместо того (как я ранее думал и продолжаю думать поныне), чтобы все это подчинить своей теории и заставить чужие факты работать на нее. Такая отрицательная установка, однако, теперь представляется мне оправданной — в свете того, как с подобным материалом обращаются современные авторы, эклектически соединяющие весьма разнородные и нередко отрицающие друг друга подходы, не заботясь об их логической увязке и теоретической согласованности.

Широта и разносторонность взглядов Сергея Леонидовича обусловила наиболее рациональную, как мне представляется, трактовку проблемы деятельности, которая в другой психологической школе оказалась возведенной в ранг всеобъемлющего объяснительного принципа (позволю себе отметить очевидную бесплодность этой — по существу вербальной — конструкции: ни один из ее многочисленных адептов не сделал даже попытки использовать столь претенциозную доктрину для интерпретации более широкого круга факторов, скажем, феноменов из области творчества, несмотря на то, что нестрогая ее формулировка, казалось бы, располагает к этому).

Про прямое и опосредствованное влияние книги Рубинштейна на формирование научных установок психолога-дебютанта можно говорить много. К сказанно-

му следует лишь добавить, что она учит серьезному и ответственному отношению к труду исследователя, вдумчивости и объективной критичности в оценке как традиционных, так и новых учений, умению видеть диалектическое единство психических явлений и диалектические противоречия в них. И еще: возникает убеждение, что психолог должен постоянно вести наблюдение за предметом своего изучения — за психическими явлениями, непрерывно черпать материалы из главного источника — реальности.

На меня, в частности, особое впечатление произвело наблюдение Сергея Леонидовича, сделанное во время обычного заседания и раскрывающее взаимодействие слуховых данных со зрительными¹ (а сколько еще таких факторов можно привести!). Предъявляя повышенные требования к интеллектуальной активности читателей, книга Рубинштейна расковывает и стимулирует мысль, [324] ориентирует на смелый подход при решении теоретических и методологических вопросов. И можно с уверенностью утверждать, что «Основы общей психологии», будучи плодом глубокого ума, являются вместе с тем смелым вызовом различным формам глупости (странно, что это слово и его синонимы, столь часто употребляемые в устной и письменной речи, совершенно отсутствуют в психологических произведениях, а выражаемая ими сущность находится все еще вне поля зрения исследователей, хотя одна из умнейших книг, когда-либо напечатанных, носит название «Похвала глупости», а в лучшем советском фильме об ученых — «Девять дней одного года» — центральное место занимает монолог о дураках...).

Штудирова труд Сергея Леонидовича, я невольно думал, что он должен пробуждать у ограниченных людей сильную неприязнь. И, к великому своему сожалению, оказался прав. В конце 40-х и самом начале 50-х годов официально поощряемые силы мрака обрушились на крупнейшие достижения разума: генетику и кибернетику, теорию относительности и психоанализ. (Можно надеяться, что в нынешних условиях расширяющегося демократизма и гласности это негативное явление получит и справедливую оценку и разностороннее объяснение. Несомненно, оно обусловлено множеством социальных и исторических факторов, а в психологическом аспекте оно характеризуется своей подчеркнуто выраженной антиинтеллектуальной направленностью: полное отсутствие логики и «аргументации», пришивание шельмующих ярлыков в расчете на эмоциональный эффект в среде невзыскательной публики и пренебрежение всеми академическими и культурными нормами). В такой ситуации, вполне естественно, злобным нападкам подверглись также «Основы общей психологии» и их автор. Выступая якобы под флагом патриотизма и приближения науки к практике и назвав своими союзниками — без всякого основания — чуждые им силы (например, благороднейшего И. П. Павлова и честнейшего И. В. Мичурина), «герои» того периода не брезговали никакими средствами ради того, чтобы опорочить выдающихся ученых своего времени. Приемы «полемики» тех лет показались бы нынешнему поколению прямо невероятными; они не стоят того, чтобы на них останавливаться долго (и все же иллюстрации ради приведу лишь один пример из журнала «Советская педагогика», 1949, № 4, в котором напечатан был пасквиль, где изобиловали фразы наподобие: «блудливый язык Рубинштейна»). И если мне, стороннему человеку, было больно читать такое и осознавать весь драматизм происходящего, то легко себе представить состояние людей, ставших мишенями для ядовитых стрел.

¹ Подробнее об этом см. в воспоминаниях Е. Н. Соколова, публикуемых в настоящем издании.

Было известно, как болезненно реагировал Сергей Леонидович на оскорбления. Правда, мне была тогда непонятна такая реакция со стороны человека, поднявшегося на почти недостижимую интеллектуальную высоту: можно ли ему все-таки принимать столь нелепый вздор, исходящий от малокультурных и просто безграмотных шуток? Ведь всем хорошо известно, как на протяжении веков чернь травила творцов-новаторов, начиная с Сократа. И неужели, спрашивал я себя, не приходили на ум Сергею Леонидовичу проникновенные строки Гете и Пушкина про отношение к одаренным? Первый писал:

Несемся вскачь из края в край
На зависть домоседам,
И всю дорогу злобный лай
Летит за ними следом.
Но как бы ни честили нас
На языке собачьем,
Они докажут лишний раз:
Мы не стоим, а скачем!

А глубоко прочувствованные стихи Пушкина:

Ты сам свой высший суд...
Всех строже оценить сумеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит...

Однако одно дело — правильно рассуждать, а другое — непосредственно столкнуться с вопиющей несправедливостью.

К большому счастью для всего народа период мракобесия длился недолго. Благотворные веяния, получившие наиболее полное выражение в решениях исторического XX съезда КПСС, дали возможность многим людям вернуться к нормальной жизни и заняться своей привычной деятельностью, начала улучшаться атмосфера и в науке. Положительные перемены сказались и на психологии, которая, наконец, получила в 1955 г. свой собственный печатный орган — журнал «Вопросы психологии», превратившийся в широкую трибуну для выступления ведущих ученых и дебютирующих авторов. Появление специального печатного органа меня очень обрадовало, так как журналы, в которых эпизодически публиковались работы по психологии, негативно относились к «неканоническим» статьям, идущим вразрез с утвержденными положениями. Так, грубо и резко отклонялась моя статья, в которой предлагалось рассматривать внимание как двухфазный процесс: от среды — к объекту. Я направил мою статью во вновь созданный журнал и долго ждал ответа.

Летом 1955 г. я был в Москве и решил зайти в редакцию, чтобы узнать о судьбе статьи. Оказалось, что к ней проявили интерес члены редколлегии, в том числе и сам Сергей Леонидович Рубинштейн (мне сказали потом, что все «необычные» статьи им прочитывались). Узнав об этом, я испытал очень сложное чувство: и побаивался (в «Основах» Рубинштейна внимание иначе трактовалось) и гордился тем, что мои построения будут оцениваться таким человеком. Не имея непосредственного контакта с академическим миром, я тогда ученых-«классиков» представлял себе целиком поглощенными своими научными проблемами, живущими в созданном ими самими мире идей и совершенно невосприимчивыми к

мнениям и суждениям других. И все же я отважился пойти на Волхонку, в Институт философии АН СССР, в котором работал Рубинштейн. Мне сказали, что Сергей Леонидович должен скоро прийти, и я вышел на лестничную площадку рядом со старинным лифтом, из которого время от времени выходили разные люди. Сергея Леонидовича я узнал сразу, хотя не видел его фотографий и представлял его внешний облик несколько иначе. Впрочем, именно таким и должен был быть этот мудрец: роста невысокого с непропорционально большой головой и сократовским лбом, в руках он держал огромную кипу книг и журналов на иностранных языках и, казалось, от тяжести груды печатного материала даже немного ссутулился. Он был нетороплив, глаза сквозь массивные очки смотрели и доброжелательно, и устало (у меня создалось такое впечатление, будто они покраснели от длительного чтения в ночное время).

Я представился, назвав свою фамилию и псевдоним. Сергей Леонидович едва заметно улыбнулся: он отлично помнил мою первую статью «Соображения рядового психолога», напечатанную в журнале «Вопросы философии» (1953, № 3), на страницах которого велась дискуссия по поводу взаимоотношения психологии и физиологии высшей нервной деятельности.

В тот период научная общественность все еще находилась под влиянием встрясок, проведенных особым образом нацеленными академическими сессиями: ВАСХНИЛ и двух академий (АН СССР и АМН). Раздавались голоса в пользу превращения психологии в придаток «павловского учения», а то и прямой ликвидации ее. И подобные призывы исходили не только от физиологов и философов; и от психологов можно было услышать такие обращения к физиологам: «Придите к нам володеть и княжить». На страницах «Вопросов философии» Рубинштейн выступил с большой статьей, которая мне не понравилась. Я позволил себе высказаться более решительно и определенно о принципиальной несводимости психологии к физиологии. Насколько я понял из разговора с Сергеем Леонидовичем, ему импонировала общая направленность этой моей дискуссионной статьи (такая позиция, впрочем, всегда была присуща и ему; и вскоре он ее вновь подтвердил в ряде позднейших работ). Прощаясь, Сергей Леонидович заверил меня, что он внимательнейшим образом прочтет мою новую статью. Статью мою опубликовали («Вопросы психологии», 1956, № 6); как мне стало потом известно, важную роль при принятии решения о ее напечатании сыграло отношение к ней Сергея Леонидовича.

Следующий ряд встреч с Сергеем Леонидовичем был связан с защитой моей кандидатской диссертации. Я ее представил в Институт психологии Академии педагогических наук (тогда единственный в Москве), где она поступила на предварительное рецензир[327]ование профессору, упорному приверженцу ассоциационизма и большому знатоку статистических методов. Он очень хвалил мою начитанность, знание иностранных языков, трудолюбие и даже, как он выразился, «остроумие критики и самостоятельность мысли», однако никак не мог согласиться с возможностью применения вероятностного подхода к интерпретации психических явлений. Спор мы вели в чисто академическом духе, и он затянулся за полночь, причем ни один из нас не сумел убедить другого. Мы оба утомились, и мне жаль стало пожилого человека в старомодном халате. Я извинился за беспокойство, собрался уходить, предчувствуя, с какими огромными трудностями мне еще придется столкнуться, а он, видимо желая сказать мне что-то утешительное, проговорил: «А ум у Вас философский!» И тут меня осенило: «Значит, лучше всех меня поймет философски мыслящий психолог!»

При новой встрече Сергей Леонидович меня узнал, выслушал рассказ о моих перипетиях и взял с собой рукопись моей диссертации (довольно увесистую — и мне вновь показалось, что он от тяжести чуть-чуть согнулся). Он попросил позвонить ему домой через некоторое время. Я и сейчас помню то сильнейшее волнение, пережитое мною в ожидании ответа на заданный вопрос, по телефону, и очень отчетливую ясную дикцию Сергея Леонидовича (по контрасту и по сходству вспоминается требовавшая большого напряжения слуха скороговорка, которой отличалась устная речь другого выдающегося советского психолога и столь же доброжелательного человека — Александра Романовича Лурия). Рубинштейн сказал, что начало моей диссертации ему понравилось и что будет читать ее дальше. Слова эти меня окрылили, я воспрянул духом, а если все же иногда закрадывались опасения, я неизменно себя успокаивал мыслью об отношении Сергея Леонидовича к моей статье о внимании.

Вселяли надежду и еще два других обстоятельства. Первое — соображения общеметодологического порядка: Сергей Леонидович в своих позднейших работах отстаивал прогрессивную идею, имеющую основополагающее значение для всей психологии — *внешнее преломляется через внутреннее* — с вытекающей отсюда необходимостью выявления имманентных закономерностей психических процессов. Именно к этому я и стремился в своих исследованиях мнемических явлений.

Второе — описанное еще в «Основах общей психологии» — наблюдение, сделанное самим Сергеем Леонидовичем и названное им «функциональным принципом» в работе памяти, состоящее в том, что человек, называя конкретную реалию, пользуется словом, обозначающим другую реалию, которая ранее выполняла идентичную функцию. В своих экспериментах я, в частности, отметил, что диапазон факторов, обуславливающих ошибочное припоминание, весьма много- и разнообразен: смещение (спуты[:328]вание) имеет место во всех случаях, когда *объективно различные* данности выступают для субъекта равнозначимыми в каком-либо отношении, скажем, как несущие одинаковую эстетическую нагрузку («роза» вместо «ландыш»), как отражающие одинаковое эмоциональное отношение (сына грузина и литовки называет Г. К. Орджоникидзе литовцем) или совпадающие характеристики в экспериментальной ситуации (смещение несходных слов, занимающих, скажем, крайние места в разных запоминаемых списках) и т. д. Такие замены отличаются взаимностью, т. е. не только *A* употребляется вместо *B*, но и наоборот, следовательно, весь массив полученных в эксперименте данных нельзя свести к случаям доминирования «старых» психических данностей над «новыми». Тем самым — так я рассуждал — наблюдение Рубинштейна удастся ввести в более общий теоретический контекст, объединяющий указанный качественный аспект припоминания (взаимные замены равнозначимых для субъекта реалий) с его другими аспектами — количественным (группа в репродукции может быть представлена любым — большим или меньшим — числом своих элементов) и последовательностью («равноправные» части ряда воспроизводятся в безразличном порядке, вследствие чего имеют место инверсии). Все три аспекта припоминания могут быть объединены общей формулой: равнозначимая для субъекта информация воспроизводится равновероятно.

Я был уверен, что Сергей Леонидович, как никто, поймет мою концепцию и, к счастью, не ошибся. В очередном разговоре он в целом одобрительно отозвался о моем исследовании, вместе с тем сделал ряд конструктивных и очень для меня существенных замечаний, которые касались как содержания, структуры диссертации и ряда конкретных формулировок, так и, казалось бы, чисто формальных

сторон. Я прекрасно запомнил фразу: «У меня лично Ваша критическая запальчивость не вызывает и вызвать не может злых чувств, но люди могут по-разному реагировать». В конце разговора Сергей Леонидович предложил сам быть моим оппонентом, чтобы «упростить и ускорить дело».

А в настоящее время, много лет спустя (то было в 1959 г.), отдавая дань признательности человечности и благородству Сергея Леонидовича, я продолжаю искренне восхищаться его абсолютно бескорыстным отношением к «чужому», стороннему психологу, которому он посвятил столько внимания и времени и который не только не был проводником его идей, более того, даже с ним полемизировал. И тогда мне открылась простая, но весьма значительная истина: истинным ученым может руководить только стремление к объективному познанию реальности. На такой основе нет места личным или групповым предубеждениям и предпочтениям; всякий, кто стоит на этом, признает право другого придерживаться собственного мнения и свободен от мелочного эгоизма и зависти. По этому признаку можно поставить в один ряд [329] с С. Л. Рубинштейном покойных ныне психологов старшего поколения — Николая Федоровича Добрынина и Александра Романовича Лурия, Анатолия Александровича Смирнова и Бориса Михайловича Теплова, Михаила Васильевича Соколова и Федора Николаевича Шемякина, Павла Максимовича Якобсона и Николая Ивановича Жинкина, Константина Константиновича Платонова и Виктора Николаевича Колбановского, а также моих ровесников — их уже тоже нет с нами — Федю Горбова, Веню Пушкина, Сашу Лука...

В канун 1960 г. я послал поздравление Сергею Леонидовичу и вскоре получил ответ на обычной почтовой открытке, текст был написан остроочиненным карандашом, очень легко читались округлые мелкие буквы. Начало помню дословно — «Милый тов. Розет (к сожалению, не знаю Вашего имени — отчества)». Далее следовали благодарность за поздравление к Новому году и вопрос, как обстоят мои дела с оформлением ученой степени и звания.

Во время школьных зимних каникул я начал перерабатывать рукопись диссертации в соответствии с советами Сергея Леонидовича. Как-то, направляясь на работу в вечернюю школу, я проходил мимо стенда с газетой «Известия», машинально бросил на него взгляд и в правом нижнем углу последней страницы заметил обычную на этом месте черную рамку, в которой сначала разобрал напечатанное более крупными буквами слово «Рубинштейн», и про себя подумал, до чего же это распространенная фамилия. Пристальнее всмотревшись, я прочитал поразившее меня и ставшее близким: «Сергей Леонидович». Я остолбенел; не хотелось верить.

В таких случаях человек невольно задумывается над смыслом жизни и ее такой быстротечностью. Я не знал точного возраста Сергея Леонидовича, но был уверен в неисчерпанности его созидательного потенциала. Все его работы последнего периода убедительно свидетельствовали о новом творческом подъеме, и с ним было связано немало ожиданий и надежд. В частности, я с интересом следил за его выступлениями, направленными против входящих в моду в ту пору тенденций к игнорированию внутренней психологической реальности и сведению ее к однозначному результату внешних воздействий.

Всегда уход человека в небытие, вызывая боль у окружающих, вместе с тем подводит черту под пройденным путем и открывает возможность для объективного приговора всему содержанию его земного бытия. И если такому уходу непосредственно предшествовала высшая радость жизни — радость познания и погружения в ее сокровенный смысл при постоянном приближении к ее тайным за-

кономерностям, абсолютное оправдание и высшую оценку получит *такое бытие*, как бы придирчиво ни судило его самое строгое *сознание*. [:330]